

Российский правовой архетип: сущность и содержание

Скоробогатов А.В.,

доктор исторических наук,
профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин
Института экономики, управления и права (г. Казань)
E-mail: aw.skorobogatov@gmail.com

Краснов А.В.,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия
E-mail: fieldo8@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию российского правового архетипа как комплексной категории юридической науки. На основе юридико-антропологической методологии в статье доказывается, что образы государства, закона (права) и власти, существующие в российском правовом архетипе, основаны на традиционных ценностях. Трансформация этих ценностей способна не только привести к искажению традиционных представлений о государственно-правовых явлениях и коллизии между официальным правом и индивидуальным и групповым правосознанием, но и порождает негативное отношение индивида к формальным способам выражения правовых норм (позитивным законом).*

***Ключевые слова:** правовой архетип, правовая ценность, правовая реальность, правосознание, правовая ментальность, антрополого-правовое исследование, неписанное право.*

Правовая культура любого общества или локального сообщества всегда связана с прошлым, и поэтому она, представляя собой коллективную память, подразумевает сохранение предшествующего социального правового опыта. Эта память запечатлевает наиболее значимые для данного сообщества и передающиеся из поколения в поколение идеи и образы, устойчивые комплексы представлений о правовой реальности, для обозначения которых можно использовать введенный К.Г. Юнгом термин «архетип». Архетипы можно рассматривать как первичные формы социальной адаптации индивида¹.

Среди большого числа культурных архетипов наибольшее значение для организации и функционирования правовой реальности² имеет правовой архетип, который можно рассматривать как «воспроизводимый из поколения в поколение первичный правовой образ, возникающий под влиянием культов, верований, мифологии и религиозных ценностей, обуславливающий понимание правовых норм, юридически значимых поступков и отношений, задающий типизированный шаблон социально-правового взаимодействия. В нем отражаются исторически

сложившиеся, наиболее влиятельные и устойчивые структуры национального правосознания и коллективного неререфлексивного опыта, коллективных правовых представлений и стандартов поведения. Архетип является мотивационно-сюжетным стержнем формирования и развития национального стиля правового мышления»³.

Правовой архетип относится к наиболее глубинному уровню правовых ценностей. Он опосредует эмоционально-психическое и рациональное восприятие, познание и оценку правовой реальности. Архетипические структуры формируются в результате отражения правового опыта в правосознании, создавая индивидуальные и коллективные модели взаимодействия личности, локального сообщества, общества и государства. Данные структуры и модели передаются из поколения в поколение через правовые обычаи, символы, понятия и традиции, формируя правовой дискурс и предопределяя усвоение новых правил.

Правовой архетип является частью правового менталитета⁴ и, будучи органично включенным в правопорядок, активно проявляет себя на уровне правореализации и правового поведения, определяя образцы и модели правил поведения, когнитивных установок познания и восприятия правовых явлений и процессов.

¹ См.: Колчанова Е.А. «Архетип» как категория философии культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тюмень, 2006. С. 16.

² Подробнее о нашем представлении о правовой реальности см.: Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: философско-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 79–85; Они же. Правовая реальность России: константы и переменные // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 161–170; Skorobogatov A.V., Bulnina I.S., Krasnov A.V., Tyabina D.V. Legal Reality as a Jural Category // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. № 3. P. 664–668.

³ Тюрин М.Г. Архетипы национальной правовой культуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2008. С. 8.

⁴ Подробнее о нашем понимании правового менталитета, его соотношении с правовым сознанием и месте в правовой реальности см.: Краснов А.В., Скоробогатов А.В. Роль правосознания в развитии правовой реальности // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 2 (11). С. 18–21.

Архетип делает право сопричастным бытию культуры и направляет развитие правовой жизни общества. Правовая традиция, включающая в себя систему правовых ценностей, представлений и установок, является внешней формой выражения правового архетипа. Характер взаимодействия правовой традиции и «закона» (официального права) порождает как положительные, так и отрицательные явления правовой жизни (правовой нигилизм, правовой инфантилизм, деформация правосознания и т.д.).

Правовой архетип является базисным составляющим правовой ментальности. Он способствует формированию национального правосознания. Основной функцией правового архетипа при этом является снижение противостояния правовой ментальности и правового сознания, достижение личностью внутренней гармонии. Образование внутренней целостности личности упорядочивает ее отношение к правовой реальности, которая воспринимается как структурированное пространство социального бытия индивида.

Правовой архетип воздействует на общественные отношения диалектически. С одной стороны, он является консервативной силой, направленной на закрепление и сохранение незыблемости существующих социально-правовых форм и уничтожение любой угрозы им. С другой — в переломные моменты развития общества, в случае становления нового правопорядка именно правовой архетип способен детерминировать изменение традиционных правовых отношений и обеспечить переход к новым правовым отношениям через постепенную трансформацию элементов старого правопорядка в сторону нового качества, их сближение с вводимыми в правовую систему новациями.

Формирование особенностей национального правового архетипа зависит от социокультурных условий исторического развития. Применительно к России эта специфика определяется тем, что в нашей стране наблюдается глубокое противоречие между попытками создания рационального государства и используемых для этой цели эклектических культурных компонентов, включающих в себя значительные элементы традиционного общества, которые в ряде случаев играют ведущую роль.

Россия в социокультурном контексте является традиционным обществом. Мы осознанно носим и употребляем отчества, тем самым демонстрируя свои родовые корни. Кроме того, успешно решаются формальные вопросы путем установления неформальных связей (свояченичество, «баня, водка», личные услуги, «блат» и т.д.). Для россиянина привычно и легко оперировать обобщающим «*Мы*» (для научного текста это даже считается одним из критериев соблюдения профессиональной этики), поскольку индивидуализм как элемент правовой культуры не сформирова-

вался. С этим же связано частое употребление туманных ссылок на некое общее мнение⁵.

Превалирование традиционных форм организации социальной жизни в сочетании с этикоцентризмом породило важнейший элемент российского правового архетипа — соборность, которая подробно раскрывается в учениях славянофилов⁶ и русских религиозных философов рубежа XIX–XX вв.⁷ Однако если они рассматривали соборность исключительно в религиозном контексте и относили ее только к русскому (славянскому) народу, мы интерпретируем это понятие как элемент не только религиозного, но именно и российского правового архетипа. В силу центрообразующей роли русского народа в формировании российской цивилизации⁸ многие черты русского правового менталитета оказались реципированы иными этносами, сформировав цивилизационный конгломерат.

В рамках общины (локального сообщества) не только воспроизводится социальный правовой опыт позитивной направленности, но и происходит трансляция эмоционально-психологических и когнитивных установок понимания правовой реальности, позволяющая сформировать общие представления о благе, право- и миропорядке.

С архетипом соборности тесно связан архетип симфонической личности, отражающий традиционные представления о психологическом и социальном единении индивида с другими людьми, невозможности жить в одиночку. Даже скитничество как наиболее крайний вариант ухода из общества имело своей целью не столько изоляцию от общества, сколько переход в иной уровень социальной реальности, который предполагает выполнение определенной мессианской роли по отношению к неправославным народам, в том числе и в правовой сфере. Индивидуальное бытие субъекта не имеет ценности вне социального взаимодействия. Индивидуальные и общинные ценности не противопоставлялись, а воспринимались в совокупности, как взаимодополняющие друг друга. С этим связано и широкое распространение круговой поруки, и взаимная ответственность индивида и коллектива, которые характеризовали дореволюционную крестьянскую общину и советский колхоз.

Собственно, российское правосознание веками связано с однозначной приоритетностью, прежде всего, обычно-правового регулирования, которое противопоставлялось внешнему, госу-

⁵ См.: Мостовая И.В., Скорик А.П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Полис (Политические исследования). 1995. № 4. С. 69–76.

⁶ См. напр.: Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Прага, 1867. Т. 2. С. 281.

⁷ См. напр.: Соловьев В.С. Россия и Вселенская церковь. М.: Академия, 2004. С. 89.

⁸ Подробнее см.: Российская цивилизация: учеб. пособие / А.В. Скоробогатов, Б.Г. Кадыров, О.Д. Агапов и др.; под ред. В.Г. Тимирясова. Казань: Познание, 2012.

дарственному. Формирование и реализация такого рода норм, выражающих интересы общины, направленных, прежде всего, на ее сохранение, стабилизацию отношений — прямое проявление коллективистского сознания.

Специфическое отношение к земле определило формирование пространственной власти государства, заключающейся в исключительном праве верховной собственности на землю. Отсюда органично вытекает крайне негативное отношение к отчуждению какой-либо территории и, напротив, приветствуется возврат утерянного. С этим связан массовый патриотизм Отечественной войны 1812 г. и Великой Отечественной войны. Однако эти действия должны осуществляться по инициативе и под руководством государства, которое тем самым не только показывает свою силу, но и повышает социальный авторитет. С этим, безусловно, связан рост авторитета Президента РФ В.В. Путина после присоединения Крыма.

Одновременно в этом акте присутствует и архетип героя — человека, который готов пожертвовать своей жизнью ради общества и защиты справедливости.

Необходимо иметь в виду, что земля в российском правовом архетипе до сих пор так и не стала ассоциироваться с обычным имуществом, сохраняя некое сакральное значение. В традиционном обществе земля выступает не как объект правового регулирования, а как одухотворенное начало — отсюда известные выражения типа «Мать-земля». Земля является средством контроля над пространством; она выступает в нераздельной связке с властными структурами. Более того, она рассматривается как одно из связующих звеньев в системе отношений «человек — Бог»⁹.

В России сформировалась особая архетипическая модель взаимодействия и взаимного служения в системе «личность — общество — государство». В этой модели основной упор делается не на разделение властей и разграничение государственной и общественной сферы, не на противопоставлении взаимных прав и обязанностей, а на единство правомочия и долга, взаимодействие для решения общих задач (внутренних и внешних). Для этой модели характерно восприятие наличия у всех членов триады прав-обязанностей и долга взаимного служения. Только единение государства, общества и человека гарантирует стабильное позитивное развитие. Достаточно вспомнить теорию «официальной народности», которая именно этот компонент провозглашала основной причиной отсутствия в России революций.

Из идеи соборности проистекает еще один элемент российского правового архетипа — мес-

сианство, то есть вера в особое предназначение и особую роль России не только по отношению к собственной территории и собственному народу, но и во всемирно-историческом масштабе. Если в 1990-е гг. российский народ с подачи либеральных реформаторов смотрел на себя как на отсталый придаток Запада, то в настоящее время происходит прямо противоположное. Провозглашенный принцип «российской гражданской идентичности», составной частью которого является патриотизм, способствуют не только формированию национального самоуважения, но и восстановлению веры в мессианское предназначение России как арбитра международных отношений. Если действия российской политической элиты, прежде всего Президента РФ, по отношению к Крыму воспринимались, прежде всего, в патриотическом смысле, то борьба с ИГИЛ в Сирии уже однозначно является именно мессианским действием. При этом можно проследить исторические параллели и с Тишинским конгрессом Екатерины II, и с участием Павла I во второй антифранцузской коалиции и с созданием Священного Союза Александром I и т.д. Действия российских войск в Сирии точно так же, как отмеченные факты, не преследуя национальных политических целей, не только формировали уважение к России на международной арене, но и воспринимались внутри страны как выполнение особой миссии.

Правовая система России несколько раз изменялась в результате рецепции. Однако это было не просто стихийное копирование чужих правовых образцов, а их переработка и адаптация к национальной правовой ментальности. Тем не менее целью тотальной модернизации было изменение правового быта реципиента, приближение его к формальному образцу культуры-донора, что приводило к коллизионности национальной правовой культуры.

Накладываясь на особенности российского правового уклада, рецепируемые модели создавали формы правового поведения, существенно отличающиеся от оригинальных. Результатом стало формирование правовой ментальности, характерной чертой которой является синкретизм права и нравственности, неспособность провести границу между этими социальными регуляторами. В ситуации кризиса (зачастую не реальной, а выдуманной или воспринимаемой в таком качестве) в сознании индивида и в его правовом поведении нравственность как первичный регулятор становится ведущей в ущерб формально закрепленным правовым нормам (закону).

Однако необходимо отметить, что не всегда заимствование чужого правового опыта в России приносит позитивные плоды. Так, попытки прямого трансфера зарубежного законодательства, которые осуществляются с конца 1980-х гг. прошлого века, зачастую без учета особенностей российского

⁹ См.: Рулан Н. Юридическая антропология: учебник для вузов / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М.: Норма, 1999. С. 60–62, 115–122.

правового менталитета и национального правового регулирования, во многом привели к сложностям в реализации новых норм, а также поспособствовали удвоению правовых практик: параллельно с действующим законодательством продолжали действовать и совершенствоваться некие иные правовые практики¹⁰. Причем такое состояние правовой системы несет в себе и большой заряд опасности для общества и государства в целом. Так, система норм, сложившихся в криминальных субкультурах, имеет тенденцию к экспансии, давлению на официальную систему как правомерными, так и неправомерными (с позиций позитивного права) средствами. Кроме того, во многих традиционных обществах, в том числе и в России, на уровне жизни политической элиты также намечается существование двух параллельных практик — официально-конституционной (заимствованной из западного опыта) и неофициальной, неписаной, однако неукоснительно соблюдаемой¹¹.

Необходимо признать, что в настоящее время значительная часть российского общества оказалась неспособной принять систему ценностей гражданского общества, большинство россиян продолжает придерживаться правовой традиции. Как показывают данные наших опросов¹², большой процент отвечавших предпочитают поступать не по закону, а «по совести», и в случае противоречия между требованиями нравственности и закона отдают приоритет «совести». Следование формальному закону в большей степени обеспечивается не уважением к нему, а страхом перед наказанием. Уверенность индивида в гарантии отсутствия наказания за деяние, не соответствующие официально признанной модели поведения, позволяет ему совершать правонарушения. При этом он уверен, что данное правонарушение в силу его широкой распространенности либо не является преступлением, либо настолько несущественно, что не требует соблюдения (переход дороги на красный свет, использование пиратской видео- и Интернет-продукции и т.д.). Нетрудно понять, что здесь мы имеем дело с прочной и устоявшейся правовой установкой, которая по существу противостоит законодательной, основываясь на неправомерной абсолютизации неотрефлектированных эмоциональных действий, отождествляемых с «совестью» и рассматриваемых в качестве достаточного

основания для нереализации требований закона, в том числе его нарушения.

Подобная правовая установка основывается на идее эмоционального переживания справедливости, воспринимаемой в качестве сверхправа, и вносит в сферу правового поведения представление о возможности нарушить закон и ущемить права других людей, если это деяние является справедливым для локального сообщества, в качестве члена которого он себя идентифицирует. Хотя при этом нет осознанного отказа от осуществления официальных правовых норм в силу незнания последних, такое правовое поведение следует рассматривать не как инфантилизм, а как правовой нигилизм. В данном случае более важным будут являться последствия, а не только правовые установки. Если в подобной ситуации индивиду не удастся избежать санкции со стороны правоохранительных органов, он приучается бояться и отрицательно воспринимать государство как субъекта и носителя закона, как институт, который способен наказать человека даже за «справедливый» поступок. Следствием этого становится стремление «обойти» закон как карающую силу и необходимость подчиниться ему, чтобы избежать наказания. В беседе с нами один из абитуриентов на вопрос: «Зачем ему необходимо юридическое образование?», ответил: «Нужно знать законы, чтобы правильно их нарушать».

Одним из проявлений «справедливости» можно считать понятие «правда», которая выступает как организующей силой общества, так и определяет отношение к государству. Идеал «правды» стал своеобразной ментальной колыбелью российской государственности: правдою устроилось царство, правдою стали послушными слуги государевы, правдою утешаются бедные и плачущие¹³. Правдой (или неправдой) в России определяются едва ли не все деяния человека. Человек мог жить по «правде», потому что она — сакральные заповеди и правила. Мог судиться по ней, потому что «правда» — суд, а также судебные испытания и даже пошлина за призыв в суд свидетеля.

Идеал правды представляет собой предвосхищение совершенного состояния рода человеческого на Земле. Он необходимо включает представление и убеждение, что предельно совершенное состояние является изначальным и непреходящим достоянием человеческого рода на Земле, насильственно отчужденным, однако и подлежащим возврату по законной принадлежности.

В основе правовой организации общества и государства в России лежит правовой архетип порядка, формирующий отношение к власти и закону, которые рассматриваются как силы консервативные, основанные на авторитете предков,

¹⁰ Подробнее см.: Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: философско-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 79–85.

¹¹ См.: Бочаров В.В. Неписанный закон: Антропология права. Научное исследование: учеб. пособие. СПб.: РХГА, 2012. С. 21–31.

¹² Подробнее см.: Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И. Правовое сознание учащейся молодежи: юридические и психологические аспекты // Междисциплинарные исследования права: отечественный и зарубежный опыт: материалы ежегод. метод. семинара (Казань, 25.02.2011 г.) / отв. ред. И.Б. Петрунина, А.В. Скоробогатов. М.; Казань: РПА Минюста России, 2011. С. 25–31.

¹³ См.: Коваль В.О. Феномен идеала «правды» как основного архетипа русской правовой культуры // Lex Russica. 2008. № 5. С. 1232–1235.

определяющие характер существования сообщества в соответствии с традиционными моделями поведения (освященными духом и авторитетом предков). Всякое преступление установленных порядков воспринимается как нарушение закреплённого порядка и ритма сосуществования.

Одной из наиболее типичных характеристик российского правового менталитета является устойчивое представление об оправданности подчиненного положения личности, какой бы она ни была, по отношению к государству. Государство в правосознании занимает высшее место в ценностной иерархии. Личности традиционно отводится подчиненное положение, ей приписывается обязанность служить государству, безоговорочно ставя его интересы выше своих и не задумываясь о возможном ущемлении им прав каждого конкретного человека. Эмоциональный пафос служения государству, царю, вождю достаточно долго на протяжении истории вытеснял из массового сознания идею прав человека, в чем, безусловно, сказывалось влияние эмоциональных социокультурных доминант. Этикоцентрический тип отношения к государству проявляется в интерпретации его как «сверхгосударства», в мифологизации конкретно-исторических форм государственности, оказавших существенное влияние на социокультурное развитие. Петровская модернизация и сталинская индустриализация рассматриваются прежде всего не в социально-экономическом, а в цивилизационном контексте. Российское государство рассматривается дихотомично: и как проводник реформ, и как хранитель правовой традиции. Чем ближе эти две ипостаси, тем более позитивным будет образ государства в правовой ментальности.

В массовом правосознании государство по-прежнему воспринимается как самодостаточная ценность, которая не может быть полностью сведена исключительно к юридическим формам. В отличие от западноевропейских государств, где главную функцию легитимации власти выполняет конституция и избранный на ее основе парламент, в России главные легитимизирующие значение принадлежит институту президента, восприятие которого не лишено монархических, патриархальных черт.

Традиционность правового менталитета в России проявляется в патриархальных элементах сознания: правовой архетип Отца по отношению к главе государства олицетворяет власть и властные отношения, формирующиеся на всех уровнях культуры между ее носителями. Это связано с многовековым процессом сосредоточения капитала (в том числе символического) преимущественно в «руках» мужчин и широким распространением образов, связанных с той ответственностью, которую отец возлагает на себя как глава семьи. При экстраполяции на государство это воспринимается как ответственность главы государства (монарха, генерального секретаря, президента) перед высшими силами (Богом,

партией, народом) за благосостояние и процветание подвластных ему подданных (детей).

Благорасположенность правителя к подданным или гражданам в целом или отдельному их представителю, как и отцовская любовь, обусловлена и управляема, правитель-отец любит за то, что ребенок (подданный, гражданин) оправдывает его ожидания, поэтому отцовскую любовь можно как заслужить, так и лишиться ее. Это связано с ролью правителя-отца как социального маркера, воздействующего на детей (подвластное население) с целью воспитания определенных качеств, обусловленных принятыми обществом правилами и нормами поведения и ценностными установками.

Образ отца-правителя характеризуется следующими чертами: а) правитель-отец управляет всем хозяйством и жизнью страны, берет на себя часть функций по материальному обеспечению своих «детей»; б) контролирует работу подчиненных ему ведомств, занимающихся проблемами населения; разрешает сложные проблемы как в случае обращения к нему граждан, так и по своей инициативе; в) является выразителем и защитником социальных и жизненных интересов каждого подданного или гражданина; г) может вмешиваться в интимную жизнь подданных (граждан), посредством контроля за рождаемостью, разрешения проблем материнства; д) заботится об образовании, досуге «детей», привитии им навыков и умений общественно полезных занятий.

Составляющей патриархальности российского правового архетипа является патернализм. Сущность патерналистских установок заключается в наличии темы долженствования опеки со стороны государства. «Патернализм превращает человека не в гражданина, а в подданного, порождая иждивенческие отношения в обществе и приучая человека к пассивному выжиданию, он ограничивает самостоятельную инициативу»¹⁴.

Современная правовая реальность, наследуя патернализм российского правового архетипа, сохраняет опору на патерналистские установки населения. Социологические опросы свидетельствуют, что в России существует ярко выраженный слой граждан, которые, обладая ностальгической устремленностью в прошлое, являются носителями традиционных правовых ценностей и установок, продолжая рассчитывать на «отеческую заботу государства».

Тем самым правовой менталитет в России предполагает более высокую легитимацию тех источников права, которые в какой-то мере отражают вышеуказанные традиции и (или) исходят от «Отца нации» напрямую (указотворчество) либо опосредованно (законодательная инициатива Президента РФ).

¹⁴ Вовк В.Н. Патернализм в российском правовом менталитете: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 9.

Таким образом, образы государства, закона (права) и власти, существующие в российском правовом архетипе, в основе своей имеют традиционные ценности, трансформация которых приводит не только к искажению традиционных представлений о государственно-правовых явлениях и коллизии между официальным правом и правосознанием, но и порождает негативное отношение индивида к формальным способам выражения правовых норм, идущих от субъекта, который не ориентируется на правовую традицию. Именно этот фактор является одним из основных в недостаточно высокой социокультурной эффективности официального права. От способности сложившейся правовой системы приспособляться к появляющимся новым вызовам современности в сочетании с сохранением собственной идентичности во многом зависят дальнейшие пути развития российского общества и государства.

Список литературы:

1. Бочаров В.В. Неписанный закон: Антропология права. Научное исследование: учеб. пособие. СПб.: РХГА, 2012. 386 с.
2. Гаврилова Ю.А. Правовые ценности и смысл права // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3 (4). С. 35–39.
3. Коваль В.О. Феномен идеала «правды» как основного архетипа русской правовой культуры // Lex Russica. 2008. № 5. С. 1232–1235.
4. Кочетков В.В. Конституционализм и архетипы русской власти (casus 1906 года) // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 155–163.
5. Краснов А.В., Skorobogatov A.V. Роль правосознания в развитии правовой реальности // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 2 (11). С. 18–21.
6. Мостовая И.В., Скорик А.П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Полис (Политические исследования). 1995. № 4. С. 69–76.
7. Российская цивилизация: учеб. пособие / А.В. Skorobogatov, Б.Г. Кадыров, О.Д. Агапов и др.; под ред. В.Г. Тимирязова. Казань: Познание, 2012. 272 с.
8. Рулан Н. Юридическая антропология: учебник для вузов / отв. ред. В.С. Нерсисянц. М.: Норма, 1999. 310 с.
9. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. Правовая реальность России: константы и переменные // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 161–170.
10. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. Правовая реальность России: философско-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 79–85.
11. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. Правовая реальность России: философско-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 79–85.
12. Skorobogatov A.V., Bulnina I.S., Krasnov A.V., Tyabina D.V. Legal Reality as a Jural Category // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. № 3. P. 664–668.

Russian legal archetype: essence and contents

Skorobogatov A.V.,

Doctor of history sciences,
professor of the chair of theory of state and law and public-law discipline
Institute of Economics, Management and Law (Kazan)
E-mail: aw.skorobogatov@gmail.com

Krasnov A.V.,

Candidate of the law,
associate professor of chair of the theory and history of the right and the state,
Kazan branch of Russian University of Justice
E-mail: field08@mail.ru

Abstract. Article is devoted to research of the Russian law archetype as complex category of jurisprudence. On the basis of legal-anthropological methodology in article it is proved that the images of the state, the legal (law) and the power existing in the Russian law archetype are based on traditional values. Transformation of these values is capable to lead not only to distortion of traditional ideas about the state and law phenomena and a collision between the official legal and individual and group law consciousness, but also generates negative attitude of the individual to formal ways of law rule expression (positive legals).

Keywords: law archetype, law value, law reality, law consciousness, law mentality, legal-anthropological research, unwritten law.

References:

1. Bocharov V.V. Napisanyj zakon: Antropologija prava. Nauchnoe issledovanie: ucheb. posobie. SPb.: RHGA, 2012. 386 s.
2. Gavrilova Ju.A. Pravovye cennosti i smysl prava // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2015. № 3 (4). S. 35–39.
3. Koval' V.O. Fenomen ideala «pravdy» kak osnovnogo arhetipa russkoj pravovoj kul'tury // Lex Russica. 2008. № 5. S. 1232–1235.
4. Kochetkov V.V. Konstitucionalizm i arhetipy russkoj vlasti (casus 1906 goda) // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2015. № 1 (2). S. 155–163.
5. Krasnov A.V., Skorobogatov A.V. Rol' pravosoznaniya v razvitiij pravovoj real'nosti // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2015. № 2 (11). S. 18–21.
6. Mostovaja I.V., Skorik A.P. Arhetipy i orientiry rossijskoj mental'nosti // Poliss (Politicheskie issledovanija). 1995. № 4. S. 69–76.
7. Rossijskaja civilizacija: ucheb. posobie / A.V. Skorobogatov, B.G. Kadyrov, O.D. Agapov i dr.; pod red. V.G. Timirjasova. Kazan': Poznanie, 2012. 272 s.
8. Rulan N. Juridicheskaja antropologija: uchebnik dlja vuzov / отв. ред. V.S. Nersesjanc. M.: Norma, 1999. 310 s.
9. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. Pravovaja real'nost' Rossii: konstanty i peremennye // Aktual'nye problemy jekonomiki i prava. 2015. № 2. S. 161–170.
10. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. Pravovaja real'nost' Rossii: filosofsko-pravovoj analiz // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2015. № 1 (2). S. 79–85.
11. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. Pravovaja real'nost' Rossii: filosofsko-pravovoj analiz // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2015. № 1 (2). S. 79–85.
12. Skorobogatov A.V., Bulnina I.S., Krasnov A.V., Tyabina D.V. Legal Reality as a Jural Category // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. № 3. P. 664–668.